

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 5, pp. 941–950, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-941-950

Е. А. Стулов и его поездка в Архангайский аймак в 1932 г.: по материалам сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»

Кеemia Владимировна Орлова¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Орлова К. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» опубликована «Записка советника Экономического совета МНР Е. А. Стулова о поездке в Ара-Хангайский аймак». Записка Е. А. Стулова интересна прежде всего с точки зрения понимания текущей — экономической и политической — ситуации в стране. Е. А. Стулов в качестве советника Экономического совета МНР побывал в Цэцэрлэге, аймачном центре Архангайского (Ара-Хангайского) аймака, с 1 по 10 июня 1932 г., записка составлена 25 июня того же года под грифом «совершенно секретно». Главной целью поездки, как отмечает автор, явилось «изучение характера и причин восстания» в аймаке. Дело Евгения Александровича Стулова, датированное 1925 г., хранится в Российском государственном архиве экономики, в фонде Народного комиссариата Внешторга СССР. Записку Е. А. Стулова можно рассматривать как развернутую аналитическую справку о событиях, произошедших не только в Архангайском, но и других аймаках страны, и условно можно разделить на несколько составляющих: 1) причины и характер восстания 1932 г.; 2) экономические причины восстания; 3) работа партийной организации в аймаке и шире — Монгольской народно-революционной партии в стране. *Цель статьи* — проанализировать поездку Стулова в Архангайский аймак, рассмотреть причины восстания не только в Архангайском аймаке, но и на значительной территории страны. *Материалы.* В статье использованы архивные документы из Российского государственного архива экономики, Центрального архива ФСБ России, научная литература на монгольском и русском языках, материалы сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)». *Результаты и выводы.* Записка Е. А. Стулова раскрывает причины мощных выступлений разных слоев монгольского общества. Его поездка, несомненно, сыграла определяющую роль в быстром реагировании советского руководства на драматические события в стране. Волнения начались в апреле 1932 г., а уже в мае того же года монгольский вопрос

обсуждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б), сразу же в Улан-Батор поступило письмо, в котором содержались предложения по устранению допущенных просчетов и ошибок. Поэтому в страну был направлен в июне советник Экономического совета МНР для разбора текущей обстановки, записка которого по результатам его поездки вскрыла причины произошедшего.

Ключевые слова: Е. А. Стулов, Архангайский аймак, Монголия, архив, восстание

Благодарность. Автор выражает глубокую благодарность заместителю директора Российского государственного архива экономики, кандидату исторических наук Е. Р. Кураповой за помощь в поиске архивных документов.

Для цитирования: Орлова К. В. Е. А. Стулов и его поездка в Архангайский аймак в 1932 г.: по материалам сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-941-950

Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. The Note Describing E. Stulov’s 1932 Journey to Arkhangai Aimag Analyzed

*Keemya V. Orlova*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Orlova K. V., 2022

Abstract. Introduction. The edition titled ‘Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936’ contains a Note by Advisor to the MPR Economic Council E. Stulov on [His] Journey to Arkhangai Aimag. The document is of certain interest primarily from a perspective of the current economic and political situation in the country. Advisor E. Stulov was staying in Tsetserleg, the capital of Arkhangai Aimag, from 1 to 10 June 1932, and compiled the Note on 25 June of the same year to be marked top secret. The author mentions the main objective of the journey was to ‘investigate essentials and causes of the uprising’ in the aimag. Personal files of Evgeny A. Stulov are housed at the Russian State Archive of the Economy (Collection of the People’s Commissariat of Foreign Trade as of the Year 1925). The Note can be viewed as an extended report on events to have taken place not only in Arkhangai but also in other provinces, and be structured as follows: 1) causes and essentials of the 1932 uprising, 2) economic reasons of the uprising, 3) work of the party organization in the aimag and wider — that of the Mongolian People’s Revolutionary Party nationwide. **Goals.** The article attempts an analysis of Stulov’s journey to Arkhangai Aimag and examines reasons — political and economic ones — of the uprising and related riots both in Arkhangai and across the bulk of the country. **Materials.** The paper examines archival documents, published sources, and academic literature. **Results and conclusions.** E. Stulov’s Note reveals reasons of social unrests across various Mongolian estates. The journey is sure to have been crucial to that the Soviet Government undertook prompt measures to tackle the dramatic events. The unrests had begun in April 1932, and already in May the Mongolian question was being discussed at a meeting of the Politburo (VKP(b) Central Committee), which dispatched a letter to Ulaanbaatar containing proposals aimed at eliminating errors and miscounts afforded. This is why in June the Advisor to the MPR Economic Council was missioned to the country for detailed insights, and the officer’s journey note did reveal actual reasons of what had happened.

Keywords: E. Stulov, Arkhangai Aimag, Mongolia, archive, uprising

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Dr. E. Kurapova, Deputy Director of the Russian State Archive of the Economy (Moscow), for assistance in discovering archival documents.

For citation: Orlova K. V. Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. The Note Describing E. Stulov’s 1932 Journey to Arkhangai Aimag Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 941–950. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5- 941-950

Введение

В сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» опубликована «Записка советника Экономического совета МНР Е. А. Стулова о поездке в Ара-Хангайский аймак» [Монголия в документах 2019: 335–351]. Записка интересна прежде всего с точки зрения понимания текущей экономической и политической ситуации в стране. Е. А. Стулов в качестве советника Экономического совета МНР¹ побывал в Цэцэрлэге, аймачном центре Архангайского аймака, с 1 по 10 июня 1932 г., записка составлена 25 июня того же года под грифом «совершенно секретно». Главной целью поездки, как отмечает автор записки, явилось «изучение характера и причин восстания» в аймаке [Монголия в документах 2019: 335]. В связи с этим в статье поставлена цель — проанализировать поездку Е. А. Стулова в Архангайский аймак, рассмотреть причины восстания не только в Архангайском аймаке, но и на значительной территории страны. В статье использованы архивные документы, публикации источников, научная литература.

Евгений Александрович Стулов

О Евгении Александровиче Стулове сохранилось немного сведений. Его личное дело, датированное 1925 г., хранится в Российском государственном архиве экономики [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529], в фонде Народного комиссариата Внешторга СССР. В нем приводятся следующие сведения: родился в Москве 4 марта 1902 г., социальное положение — из крестьян, член РКП с июня 1919 г., в партии выполнял обязанности секретаря уездного комитета, агитатора. Окончил среднюю школу, бывшее реальное училище, и факультет общественных наук (ФОН) Московского государственного

университета². С 21 июня 1925 г. зачислен в резерв административно-хозяйственного отдела наркомата Внешторга СССР, с сентября 1925 г. — на должность экономиста Тарифного отдела Главного таможенного управления (ГТУ) того же наркомата, далее — секретарем Таможенного-тарифного комитета ГТУ [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3529. Л. 7, 10]. С 1925 г. являлся советником Экономического совета Монголии. Арестован 19 июля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР по обвинению в контртеррористической организации, 4 февраля 1940 г. приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, похоронен на Донском кладбище в Москве. 6 июня 1956 г. реабилитирован ВКВС СССР.

Восстание в Архангайском аймаке

С марта 1932 г. в МНР произошли чрезвычайные события: восстание в Восточном (март), Хубсугульском (апрель), Архангайском, Убурхангайском (май), Завханском (первая половина мая), Южногобийском, Алтайском аймаках. Волнениями, переходившими в мятежи, была охвачена значительная часть территории Монголии. В них принимали участие ламы, араты, монгольская знать, некоторые члены партии и революционного союза молодежи (ревсомола), цирики³. Повстанцы выступали за свержение существующего строя, отказ от политического курса страны, ликвидацию пар-

¹ Экономический совет Монголии (ЭКОСО) создан при монгольском правительстве 3 февраля 1925 г., функционировал до 1932 г., его основная функция заключалась в координации деятельности хозяйственных органов, разработке экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны [БНМАУ-ын II их хурал 2009].

² ФОН функционировал с 1919 по 1925 г. вместо упраздненных юридического и историко-филологического факультетов. 23 декабря 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление об упразднении юридического факультета, 3 марта 1919 г. — об организации факультета общественных наук, по постановлению от 12 мая 1919 г. ФОН был создан в составе Московского государственного университета. В марте 1921 г. к ним добавились литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения. Основная задача ФОН состояла в подготовке кадров для советского государственного аппарата, учреждений культуры и различных отраслей народного хозяйства. Факультет непосредственно подчинялся Главному управлению профессионального образования (Главпрофобр) РСФСР.

³ Цирик (монг. *цэрэг*) — воин, солдат.

тии и ревсомола. Для подавления мятежей была создана правительственная комиссия во главе с первым секретарем ЦК МНРП Ж. Лхумбэ¹. В мае 1932 г. Временный совет обороны МНР объявил особое положение в Хубсугульском и Архангайском аймаках, куда были отправлены армейские части и подразделения Государственной внутренней охраны (ГВО), курсанты военного училища, 1-я конная дивизия, артиллерия, а также бронетехника и даже самолеты. В докладе военного министра Г. Дэмиды отмечалось, что ситуация в Архангае обострилась после подавления восстания в Хубсугульском аймаке [Кузьмин 2015: 52, 53, 54].

Восстания в Хубсугульском и Архангайском аймаках в основном были подавлены к июлю – августу 1932 г., а окончательно — к октябрю – ноябрю 1932 г., о чем было объявлено в постановлении пленума ЦК МНРП от 16 ноября 1932 г. [Кузьмин 2015: 56].

Восстания в аймаках, по свидетельству монгольских и российских исследователей, поставило под вопрос само существование страны. Положение в МНР обсуждалось на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), на котором было принято совместное постановление о пересмотре прежней политики в Монголии и смене внутривластного курса МНРП [Рошин 1999: 258–260].

В это сложное для страны время Е. А. Стулов и был отправлен в Монголию для выяснения фактической обстановки в аймаке. Его Записка, несомненно, раскрывает причины восстаний не только в аймаке, но и в целом ряде регионов Монголии.

Исторический экскурс

Здесь необходимо обратиться к историческому экскурсу событий, приведших к восстаниям на значительной части территории страны. Надо отметить, что волнения

¹ Лхумбэ Жамбын (1902–1934) — государственный и партийный деятель МНР. 14 апреля 1932 г. ЦК МНРП и правительство для борьбы с восстанием назначили полномочную правительственную комиссию во главе с Ж. Лхумбэ, первым секретарем ЦК МНРП, в 1933 г. он был обвинен в шпионаже и антиправительственном заговоре. Процесс над ним получил название «Дело Лхумбэ». Расстрелян в 1934 г., реабилитирован в 1962 г. [Болдбаатар 2004: 195–196].

начались в 1930 г. в Западной Монголии в монастырях Улангомском, Тугсбуянтын хурээ и Бодончийн хурээ, ставшими точкой отсчета для мятежей 1932 г. В восстании приняли участие примерно 2 000 человек. Основными причинами восстания в Западной Монголии, как считают исследователи, явились административный перегиб, насильственный перевод лам в мирян, ограничение религиозной деятельности и др. (подробнее см.: [Кузьмин 2015: 53–59]).

1929–1932 гг. известны как период «левого» уклона, наступившего после «правого» (1926–1928 гг.). Как отмечается в [История Монголии 2007; Рошин 1999; и др.], квинтэссенцией главных просчетов «левого» эксперимента явились «слепое копирование советского опыта» без учета социально-экономических и национальных особенностей и своеобразия страны и призывы «левых» о переходе к социалистическому развитию, минуя феодализм [История Монголии 2007: 88; Рошин 1999: 218].

Ошибки «левых» достаточно подробно раскрыты в научной литературе [История МНР 1983: 372–378; Рошин 1999: 242, 248, 250; История Монголии 2007: 92, 96].

В апреле 1930 г. Центральный Комитет партии объявил о проведении «двухмесячной кампании по кооперированию» и организации штаба по руководству этой работой [Очерки истории 1971: 128]. Создание коммун и колхозов проводилось в порядке срочной кампании. Из 410 колхозов, созданных в начале 1930 г., 202 были коммунами. К концу 1931 г. было образовано 717 колхозов, 503 артели, 174 товарищества. Создание столь огромного количества коллективных хозяйств за короткий срок, как можно предположить, было проведено формально [Очерки истории 1971: 129; История Монголии 2007: 93].

На первой конференции партии (26 декабря – 13 января 1930 г.) были выявлены перегибы в кооперировании аратских хозяйств, которые были обусловлены погонями за формальным количеством новых колхозов без какого бы то ни было материального и финансового обеспечения. Более того, членам вновь образованных хозяйств не обозначали задачи и проблемы, которые они должны были решать, именно поэтому многие не принимали участия «в общественном труде, разбазаривали обществен-

ный скот и имущество» [Очерки истории 1971: 129].

В течение 1931–1935 гг. было решено коллективизировать около 70 % всех бедняцких и 50 % середняцких хозяйств. В резолюции съезда определялось, что наряду с поощрением простейших аратских кооперативов нужно взять решительный курс на создание крупных коллективных хозяйств как наиболее доходных, устойчивых, высокотоварных. Однако в резолюции первой партийной конференции не были определены пути их реализации [Очерки истории 1971: 129].

В 1929 г. в Монголии приступили к экспроприации движимого и недвижимого имущества и скота у зажиточных слоев общества, высших лам. Все имущество и скот привилегированных слоев монгольского общества и ламства, согласно совместному постановлению Великого народного хурала и правительства, было рассчитано на хуби¹. Им оставлялось не более 100 хуби, остальное конфисковывалось в пользу неимущих и бедных. Для этого в сентябре 1929 г. были созданы центральная комиссия во главе с председателем президиума Малого хурала Х. Чойбалсаном, на местах — аймачные комиссии, в аймаки были направлены уполномоченные монгольского правительства [Очерки истории 1971: 124, 127; История МНР 1983: 358; История Монголии 2007: 89–90].

С 1931 г. по апрель 1932 г. у 581 феодального хозяйства были конфискованы имущество и скот на 4,5 млн тугриков (по другим данным — на 5 млн тугриков [История МНР 1983: 359]. Часть конфискованного была передана неимущим аратам, другая — колхозам [Очерки истории 1971: 125]. Проведенные мероприятия партии и правительства натолкнулись на яростное сопротивление, положение усугублялось еще и тем, что недовольные экспроприацией араты откочевывали в Китай.

В политической сфере знаковым явился VII съезд МНРП (23 октября – 11 декабря 1928 г.): на нем были разгромлены «правые» уклонисты, отступившие от генеральной линии партии и чинившие «серьезные

¹ Хуби (монг. *хувь*) — условная единица движимого и недвижимого имущества; 1 хуби = 30 тугриков от стоимости скота и 90 тугриков — недвижимое имущество.

препятствия в реализации политической и социально-экономической программы», «правых» критиковали за ослабление связей с СССР и Коминтерном [Очерки истории 1971: 117–118].

На съезде было принято решение об «окончательном очищении государственного аппарата от феодалов, чиновников, ... широком привлечении к управлению государством представителей бедняцких и середняцких слоев аратства, ...недопустимости выявления новых хутухт и хубилганов², четкой классовой политики в отношении религии и ламства» [Очерки истории 1971: 118–119].

На VIII съезде МНРП (21 февраля 1930 – 2 апреля 1930 г.) политические и социально-экономические задачи были значительно расширены. Так, приняты решения о передаче 2,1 млн голов монастырского скота на выпас бедным аратам и середнякам, о запрещении ростовщической деятельности монастырей, взимании военного налога с лам призывного возраста, расширении антирелигиозной пропаганды и обложении налогами имущества и скота монастырских хозяйств [Очерки истории 1971: 126].

Если с собственностью светской знати руководители страны не церемонились, то в отношении высшего ламства и монастырей проявляли большую осторожность в силу поголовной религиозности населения страны. В правительстве четко осознавали, что подобные шаги могли вызвать резкий протест. Именно поэтому все меры правительства и партии были направлены сначала на ослабление экономических позиций монгольского духовенства. Этот период (1930–1932 гг.) известен как джасовская кампания³. В результате данной кампании количество монастырских хозяйств сократилось до 2 700 по сравнению с 1929 г., когда насчитывалось 7 700 хозяйств, из почти 3 млн скота в 1929 г. осталось около 0,3 млн, значительно убавилось и число проживавших

² Хутухта (монг. *хутагт*) — высший сан буддийского духовенства; хубилган (монг. *хувилгаан*) — перерожденец.

³ Джаса (монг. *жас*) — накопления и хозяйство буддийских монастырей.

В июне 1930 г. ЦК МНРП и Совет министров МНР выпустили совместное постановление о проведении джасовской кампании [История МНР 1983: 360].

в монастырях лам — примерно на 20 тысяч [История МНР 1983: 360–361]. Кроме того, в этот период планировалось «перейти к перспективному планированию, содействовать переходу к оседлому образу жизни, ... полное вытеснение иностранного капитала [История Монголии 2007: 92–93].

Собственно наступление на религию и ламство началось после революции 1921 г., когда четко были разделены права между главой буддийской церкви Монголии Богдогэгэном Джебзундамба-хутухтой, который «царствует», и народным правительством, который «управляет» государственными делами [Ванчикова 2019: 67].

После принятия Закона об отделении дел религии от государства в 1926 г. и последующего одноименного Закона от 1934 г. продолжилась репрессивная политика в отношении буддийской церкви. В период «правого» и «левого» уклонов атака на религию активизировалась. Если в 1926 г., согласно решению V съезда МНРП, был ликвидирован институт хубилганства, то после VIII съезда МНРП (1930 г.) началось усиление идеологической и экономической борьбы против монастырей и высших лам, в рамках которой предлагалось «произвести тщательный учет имущества тех феодалов, которые ускользнули от конфискации имущества, или же укрыли свое имущество, ... расширить антирелигиозную пропаганду» [Очерки 1987: 143]. Кроме того, были определены задачи по укреплению обороноспособности страны и дальнейшему расширению связей с СССР для развития промышленности, транспорта, культуры и просвещения [Очерки 1987: 143].

Согласно «Циркулярному письму ЦК МНРП и ЦК монгольского ревсомола (май 1930 г.) о работе среди ламства», прямо указывалось: «идеология буддизма во всех своих оттенках является идеологией, враждебной нашей партии» [Монголия в документах Коминтерна 2012: 29].

В том же 1930 г. лам призывного возраста, помимо военного налога, обязали платить еще и налог худону, в проекте правительство планировало ввести еще налог на хашаны¹ и постройки. Делалось это для того, чтобы ламы как можно скорее поки-

дали монастыри и переходили в светское состояние. Не напрасно религиозные деятели опасались ужесточения налоговой политики: обсуждался вопрос о передаче имущества, скота ванов, гунов², высших иерархов церкви — хутухт и хубилганов — аратам-беднякам, для этого в срочном порядке создавались артели, колхозы, госхозы. На пленуме выявились разные подходы к этой проблеме: один — умеренный, или «осторожный», подход — экономическими методами (прогрессивным налогообложением; ограничением круга тех, у кого будет изыматься конфискуемое, и размерами изъятия имущества и скота), другой — радикальный, т. е. жесткая конфискация [Рощин 1999: 226].

Естественно, все партийные и правительственные мероприятия вначале вызвали глухой ропот широких слоев монголов, который в конечном счете и вылился в мятежи и восстания.

В Москве незамедлительно отреагировали на драматические события, уже 16 мая 1932 г. монгольский вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В частности, в пункте 10 «О Монголии» [Протокол 1932] отмечалась «основная ошибка монгольских товарищей» «в том, что они слепо копировали политику Советской власти и СССР, не понимая, видимо, что Советская республика есть республика социалистическая, а Монгольская республика есть республика народно-революционно-демократическая буржуазная» [Протокол 1932]. Соответственно, эта ошибка, по мнению советских партийных и советских руководителей, и есть главная причина разразившегося восстания. Далее в документе сообщается о «сплошной коллективизации, неприемлемой для Монголии, фактической ликвидации частной собственности и монополии Монценкоопа³» [Протокол 1932]. Комиссия, созданная политбюро ВКП(б), рекомендовала исправить эти ошибки.

29 мая принято постановление Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) и ЦК ВКП(б), которое было доведено до сведения монгольских властей. Среди монгольских руководителей не было единства в решении

¹ Хашан (монг. *хашаан*) — ограда, двор, изгородь, загон.

² Ван (монг. *ван*) — княжеский титул; гуи (монг. *гун*) — князь четвертой степени.

³ Так в документе.

образовавшихся проблем, однако они понимали, что нужны другие подходы к их разрешению. В конце июня 1932 г. состоялся чрезвычайный пленум ЦК МНРП, на котором был рассмотрен ряд мероприятий для вывода страны из кризиса и прежде всего для «мобилизации масс вокруг решений правительства» [Протокол 1932]. Предлагалось активно развивать частную торговлю, обратить особое внимание на развитие животноводства, пересмотреть бюджетную и налоговую политику, исключить или снизить административные методы ведения хозяйств, обеспечить свободу вероисповедания [История Монголии 2007: 95–96]. Думается, что Записка экономического советника МНР Е. А. Стулова сыграла свою роль.

Записка Е. А. Стулова

Собственно записку Е. А. Стулова можно рассматривать как развернутую справку о событиях, произошедших не только в Архангайском, но и в других аймаках страны, и условно разделить на несколько составляющих: 1) причины и характер восстания 1932 г.; 2) экономические причины восстания; 3) работа партийной организации в аймаке и шире — МНРП в стране. Стоит отметить, что к приезду Е. А. Стулова восстание в Цэцэрлэге еще не было подавлено даже в «военно-оперативном отношении» [Монголия в документах 2019: 336].

Повстанческое движение является «массовым *аратским* (курсив автора. — К. О.) движением, организованным и возглавленным частью высшего и среднего ламства», причем движущей силой стали беднейшие и середняцкие слои, возглавляемые не светскими «феодалами», а высшими ламами. Основной причиной, почему араты последовали за знатью и ламством, Е. А. Стулов называет отрицание ими политики, которую проводит народное правительство и партия, «ущемляющие его кровные интересы» [Монголия в документах 2019: 335, 336].

Основными лозунгами повстанцев, судя по Записке Е. А. Стулова, «являются восстановление прежней ханской власти, ... полная реставрация феодальных отношений, нарушенных в результате национально-демократической революции» [Монголия в документах 2019: 336]. По имевшимся в его

распоряжении материалам, беседам с аймачными руководителями, повстанцами и воинами территориального полка Е. А. Стулов пришел к выводу, что «недовольство проводимой партией политики и непонимание этой политики широкими слоями аратства» [Монголия в документах 2019: 336] и привели к повстанческому движению, которое охватило в том числе значительную часть территории страны. В качестве примера советник ЭКОСО приводит высказывание хошунного дзасака¹ в одном сомоне, в котором «совершенно откровенно заявляется, что задачей восстания является восстановление ханской власти... реставрация феодализма, борьба против народной партии» [Монголия в документах 2019: 337].

Собственно эти же причины отмечены и в восстании в Хубсугульском аймаке: «общее положение дел в аймаке, невероятные перегибы в области политики и хозяйства, отсутствие массовой работы среди аратства, полный произвол над последними со стороны революционных „тушемил“²» [Монголия в документах 2019: 336, 337].

Подробно Е. А. Стулов останавливается на работе аймачного партийного руководства, обратив особое внимание на полное непонимание им произошедших событий, массовые необоснованные аресты, явные попытки скрыть истинное положение дел, неудовлетворительное обеспечение необходимыми товарами [Монголия в документах 2019: 338].

Еще более удручающая ситуация зафиксирована в сомонных управлениях, председатели которых мало вникали в свою работу. В Архангайском аймаке 35 сомонных, в десяти из них начальники — малограмотны, по имущественному положению в основном бедняки (имеют от 10 до 20 хуби), только один — 60 хуби, т. е. считался середняком. Часть сомонных начальников работала по рекомендации аймачного партийного комитета, другая — избранные на сомонных хуралах. Однако только небольшой актив сомонных председателей «мог работать, ... но мозги их изуродованы, ... не понимает идей, которые проповедовались последние 2–3 года, ... не имеет влияния на аратство» [Монголия в документах 2019: 340].

¹ Дзасак (монг. *засаг*) — управитель, князь.

² Тушемил (монг. *тушимэл*) — чиновник, са-новник.

Весьма примечательны беседы советника ЭКОСО с цириками. Так, на полковом собрании, которое проводилось с его участием, ему и аймачным руководителям задавались следующие вопросы: «Есть ли (в мире. — *К. О.*) государства, где нет революционного движения; есть ли революционная армия в других государствах; сколько в мире революционных стран и сколько партийных ячеек; какой национальности японцы — русской или китайской» и др. Задавались и конкретные вопросы, например, «территориальный сбор¹ имеется во всей Монголии или только в Архангайском аймаке», спрашивали о своих семьях, почему дезертиров сильно наказывают и др. [Монголия в документах 2019: 346]. К сожалению, ответы на эти и другие вопросы в Записке не приведены.

Что касается экономической политики партии, то в Записке подробно приведены следующие данные: «чрезвычайно низкий уровень производительных сил (средства производства и люди, занятые в производстве), господство натурального способа производства, кулачество не сформировалось как социальная группа, не осознано своих интересов и не выступает организованно ни с той, ни с другой стороны» [Монголия в документах 2019: 335, 336].

Особо отмечается плохое состояние дел в Монценкоопе, Стормонге² и других организациях, занимавшихся снабжением товаров, практически по всем показателям планы не выполнялись. Например, «по плану 1 и 2-го кварталов Монценкооп должен был завезти товаров на сумму 2 072 000 тугриков, однако только за первые четыре месяца было завезено всего лишь на сумму 294 000, т. е. план выполнен только на 22 %» [Монголия в документах 2019: 343].

Более того, руководители Монценкоопа занимались прямым воровством. Е. А. Сту-

¹ Здесь имеются в виду аймачные территориальные воинские формирования (полки), в которые набирались молодые араты призывного возраста для прохождения воинских сборов или учений.

² Монценкооп — государственная кооперативная организация (Монгольский центральный кооператив), основана в 1921 г.; Стормонг — акционерное общество по торговле СССР с МНР создано в 1927 г. с целью укрепления советско-монгольских торговых связей.

лов приводит следующий пример: в ряде сомонов эта организация закупила в кредит скот у монастырей, обещая заплатить министерству финансов за них «налоги, доли ламам, которые перешли в миряне, и плату колхозам за выпас джасовского скота». Однако Монценкооп обещания не сдержал, и аймачное руководство «под нажимом министерства финансов» обязало те же монастыри выплатить долг, т. е. «в конечном итоге получилось, что они были обложены налогом в двойном размере». Таких примеров в сборнике документов приводится немало [Монголия в документах 2019: 348].

«Враждебное отношение» аратов вызывали действия и аймачного, и сомонного руководства: военный налог с лам брали не по «имущественному положению» того или иного ламы, а по доходу его собственного хозяйства, налогом облагался запрещенный по закону скот-молодняк; наобум брался размер джасовского налога; имели место случаи незаконного лишения избирательных прав; основным методом работы руководства с ламами был «административный нажим». Все эти «заскоки» руководителей «не могли не породить враждебного отношения со стороны арат к действиям власти» [Монголия в документах 2019: 342–344]. По словам Е. А. Стулова, в отношении религии и монастырского хозяйства были «безобразнейшие перегибы и невероятнейшее головоунытие» [Монголия в документах 2019: 335, 336].

Завершается Записка следующими словами: «неправильная политика центра, усугубляемая невероятнейшими извращениями и перегибами на местах, издевательство над аратами, административное гонение на религию, отсутствие должной парторганизации — все это вместе взятое и породило те политические осложнения, которые переживает сейчас Монголия» [Монголия в документах 2019: 351].

Заключение

Записка Е. А. Стулова раскрывает причины мощных выступлений разных слоев монгольского общества. Его поездка, несомненно, сыграла определяющую роль в быстром реагировании советского руководства на драматические события в стране. Волнения начались в апреле 1932 г., а уже в мае

того же года монгольский вопрос обсуждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б), сразу же в Улан-Батор поступило письмо, в котором содержались предложения по устранению допущенных просчетов и ошибок.

В июне в страну был направлен советник Экономического совета МНР для разбора текущей обстановки, записка которого по результатам его поездки вскрыла причины произошедшего.

Источники

- РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
 Протокол 1932 — Протокол № 100 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 мая 1932 г. П. 10 «О Монголии» [электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/49159> (дата обращения: 10.07.2022).

Литература

- БНМАУ-ын II их хурал 2009 — БНМАУ-ын II их хурал. 1925 оны 11 дүгээрсарын 6–20-ны өдөр (= II Великий хурал МНР. 6–20 ноября 1925 года). Улаанбаатар: Бемби сан, 2009. 546 х.
 Ванчикова 2019 — Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Отгиск, 2019. 292 с.
 История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / М. И. Гольман и др.; отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
 История МНР 1983 — История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; гл. ред.: А. П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1983. 661 с.
 Кузьмин 2015 — Кузьмин С. Л. Западно-монгольское восстание 1930 г. в защиту религии // Религиоведение. 2015. № 1. С. 53–59.
 Монголия в документах Коминтерна 2012 — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 2 (1930–1934) / авт.-сост.: И. И. Кудрявцев и др.; науч. ред. Б. В. Базаров.

References

- Boldbaatar Ch. Political Leaders of 20th-Century Mongolia. Ulaanbaatar: Mongolian National University of Education, 2004. 370 p. (In Russ.)
 Golman M. I. et al. History of Mongolia: 20th Century. G. Yaskina (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
 Kudryavtsev I. I. (comp.) Mongolia in Documents of the Comintern: 1919–1934. Part 2: 1930–1934. A. Sorokin, B. Bazarov et al. (eds.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 491 p. (In Russ.)

Sources

- Russian State Archive of the Economy.
 Politburo of the VKP(b) Central Committee. Meeting minutes no. 100 of 16 May 1932. P. 10 ('About Mongolia'). On: Historical Materials (website). Available at: <https://istmat.org/node/49159> (accessed: July 10, 2022). (In Russ.)
 Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 491 с.
 Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
 Очерки истории 1971 — Очерки истории Монгольской народно-революционной партии / Б. Лхамсурэн, Б. Ширендыб, Б. Балдо, Л. Санжа, Б. Тудэв; пер. с монг. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
 Очерки 1987 — Очерки Монгольской народно-революционной партии / ред. комиссия: Б. Лхамсурэн (отв. ред.), Б. Балдоо, А. Минис, С. Дамдинсурэн, Б. Сумъяа, Б. Бат-Очир. Изд. 3-е, испр. и доп. Улан-Батор: Госиздат, 1987. 520 с.
 Роцин 1999 — Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
 Болдбаатар 2004 — Болдбаатар Ч. XX зууны Монголын улс төрийн зүтгэлнүүд (= Политические деятели Монголии XX века). Улаанбаатар: Монгол улсын боловсролын Их сургууль, 2004. 370 с.

- Kuzmin S. L. The West-Mongolian rebellion of 1930 in defense of religion. *Religiovedenie*. 2015. No. 1. Pp. 53–59. (In Russ.)
 Lkhamsuren B., Baldo B., Minis A., Damdinsuren S., Sumyaa B., Bat-Ochir B. (eds.) Mongolian People's Revolutionary Party: Essays. 3rd ed., rev. and suppl. Ulaanbaatar: Gosizdat, 1987. 520 p. (In Russ.)
 Lkhamsuren B., Shirendyb B., Baldo B., Sanja L., Tudev B. Mongolian People's Revolutionary Party: Essays. Moscow: Politizdat, 1971. 343 p. (In Russ.)

- Natsagdorj Sh., Tseden B., Shirendyb B. et al. History of the Mongolian People's Republic. A. Okladnikov, Sh. Bira et al. (eds.). 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: GRVL, 1983. 661 p. (In Russ.)
- Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia: 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)
- Second Great Khural of the Mongolian People's Republic: 6–20 November 1925. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. 546 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. Irkutsk: Ottisk, 2019. 292 p. (In Russ.)

